

Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры российского революционера (вторая половина XIX — первая половина XX в.)*

В предыдущем выпуске «Ежегодника» была опубликована наша статья, посвященная одной из составляющих субкультуры российского революционера¹, в которой мы сформулировали ряд существенных характеристик и наметили хронологические рамки существования субкультуры российского революционера; однако мы сочли возможным и необходимым в данной статье повторить и развить некоторые базовые положения, высказанные ранее.

Постановка проблемы

Как уже отмечалось в нашей предыдущей статье, несмотря на то, что термин субкультура появляется в 30-е гг. XX в., исследователи не применяли его к революционному движению, предпочитая изучать программы, тактику и деятельность революционных организаций и партий. В ходе многолетних исследования истории и практики одной из революционных партий, а именно ПСР, автор на определенном этапе пришел к выводу, что ключ для разгадок некоторых проблем нужно искать не в программах и в идеологиях, а в самом человеке, в психологии и взаимоотношениях людей, в морально-психологическом состоянии исследуемого социума и всего того, что детерминируется субкультурой данного социума. На наш взгляд, помимо привычного обращения к организационной составляющей партийной конструкции, необходимо исследовать то, что традиционно ускользает из поля зрения историков, что являлось, так сказать, душой «конспиративно-элитарной организации»². Размышления и исследования в данном направлении привели автора к постановке проблемы и введению

* Статья подготовлена с использованием материалов совместной работы с А.Ю. Морозовой над проектами «Russian Revolutionary at the end of the 19th and the beginning of the 20th Century: Image, Mentality and Subculture» (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 893/2000) и «Партийное правосудие» и правосознание революционной среды первой четверти XX века (на материалах судебно-следственных структур РСДРП и ПСР)» (РГНФ, проект № 03-01-00234). В июне 2010 г. автор статьи выступил с докладом «Феномен и парадоксы субкультуры российского революционера начала XX века» на международном коллоквиуме в Санкт-Петербурге «Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия (конец XIX–XX в.)».

¹ Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в партийном правосудии РСДРП и ПСР и субкультуре российского революционера в первой трети XX в. // Социальная история. Ежегодник. 2009 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб., 2010. С. 95–112.

² Этот, на наш взгляд, весьма удачный термин использует М. Хильдермайер, пытаюсь определить характер групп, из которых складывается в 1901–1902 гг. ПСР. См.: *Hildermeier M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung in Zarenreich (1900–1914)*. Köln; Wien, 1978. S. 32–33.

термина «субкультура российского революционера» (сами революционеры, пытаясь описать рассматриваемый феномен, пользовались самыми разными понятиями и терминами, такими, как «честь революционера», «революционная этика», «революционная традиция», «обычное право» революционера и т. п.).

Во избежание недоразумений сразу подчеркнем, что автор не ставил перед собой цели и не брал обязательств немедленного и полного исследования феномена субкультуры российского революционера, ее структуры и тенденций эволюции и трансформации, этических и правовых норм ее чуть ли не вековой практики. Ведь такая тема — предмет исследования не одного десятилетия, и не только историков, но и культурологов и социальных психологов, а задачи данной статьи — очертить границы и осветить отдельные сущностные характеристики этого явления, в том числе ряд сюжетов и контекстов, в которые они погружены:

— источниковая база и некоторые методологические проблемы исследования субкультуры российского революционера;

— хронологические рамки и трактовка субкультуры революционера как общей, «рамочной». Вариативные типы субкультуры революционера;

— молодежная контркультура как один из системообразующих факторов субкультуры революционера. Механизмы взаимодействия «старого» и «нового» поколений революционеров; проблема консервации и изменения в нормах субкультуры

— некоторые отличия субкультуры революционера от субкультур сектантов и уголовного мира;

— влияние нелегальности и конспиративности на складывание и эволюцию субкультуры российского революционера;

— партийное и внепартийное следствие и суд и третейские разбирательства как система правовых норм и механизмов, очерчивающих границы допустимого для революционера и защищающие его честь и достоинство;

— тюремное сопротивление и борьба за политрежим как борьба за личное достоинство и за «пространство свободы в несвободе».

Характеристика и анализ источниковой базы

Источниковая база данной темы, с одной стороны, весьма разнообразна по происхождению документов, а с другой стороны до- и послереволюционные периоды существования мира и субкультуры революционера, а также отдельные их стороны освещены источниками весьма неравномерно.

Документы официального делопроизводства царского времени — материалы Департамента полиции, Охранных Отделений, «Заграничной Охранки», губернских жандармских управлений, судебного и тюремного ведомств, освещающие мир российского революционера (особенно его «взаимоотношения» с охранительно-репрессивной государственной машиной, но не только) содержат обширный и богатейший материал (судебно-следственные материалы, материалы наружного наблюдения, донесения агентуры, перлюстрированные письма революционеров, материалы, изъятые во время обысков и арестов), вполне доступный исследователю как в федеральных,

так и в региональных архивах. С точки зрения достоверности эти источники весьма различны и требуют перепроверки материалами другого происхождения. Особенно недостоверны донесения секретных агентов, балансировавших между страхом разоблачения и желанием выслужиться. Сплошь и рядом недостоверны и следственные показания самих революционеров, изобилующие и фигурами умолчания, «выпутыванием» и умышленной ложью. Материалы наружного наблюдения дают весьма специфическую информацию, скорее о передвижениях и контактах наблюдаемого лица. При анализе выступлений революционеров на суде следует учитывать, что нормами субкультуры российского революционера ему прямо предписывалось использовать свое последнее слово как пропагандистское средство и излагать на суде не свою личную, а партийную точку зрения.

Парадоксально, но многие из этих материалов, освещающих, скажем, поведение того или иного революционера на следствии и суде, до сих пор используются исследователями достаточно мало, а ведь именно эти материалы позволяют многое сказать о личности данного человека.

Ценнейшим и важнейшим источником для исследования ряда направлений этой многоаспектной темы являются источники партийного и личного происхождения, которых немало хранится как в российских архивах (особенно в ГАРФ и в РГАСПИ, в ЦА ФСБ РФ и отчасти в РГАЛИ) и в зарубежных архивах (особенно — в МИСИ в Амстердаме, в Гуверовском институте и в Бахметевском архиве). Особо отметим значение личной и деловой переписки революционеров, дающей порой бесценные сведения, хотя и весьма трудоемкой в работе, учитывая рукописный характер писем и необходимость выискивания зерен интересной информации.

Ценнейшим источником является и мемуаристика. Революционерами-мемуаристами оставлен богатейший фактический материал, рисующий (с большей или меньшей степенью пристрастности подробности) многие стороны и проявления мира и субкультуры российского революционера, впрочем, преимущественно до 1917 г. (и особенно по тюремно-каторжной тематике, на которой специализировались такие альманахи, как «Каторга и ссылка» и «Кандалный звон»), и отчасти в годы гражданской войны. Дошедшие же до нас мемуары оппозиционных власти революционеров, рисующие подполье первой половины 1920-х гг., а также «борьбу за политрежим» и повседневную жизнь и субкультуру революционера в концлагерях и политизоляторах 1920–1930-х гг. единичны³.

Документы официального делопроизводства советского времени, такие, как архивно-следственные дела органов ВЧК-ГПУ-НКВД, личные дела заключенных (до сих пор не удается понять, где они находятся, т.к. оба ведомства (МВД и ФСБ) отрещиваются от владения ими) и особенно разного рода материалы оперативно-агентурного характера — или малодоступны для исследователей или совсем недоступны. До сих пор непонятна судьба огромного количества воспоминаний, писем и дневников, написанных политзаключенными социалистами и анархистами в тюрьмах и ссылках 1920-х и 1930-х гг. и изъятых у них при обысках и арестах. Лишь не-

³ Подробнее см.: Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Указ. соч.

большая часть из них осела в их следственных делах, а где находятся остальная, до сих пор неясно (не исключено, что и уничтожена). Недоступны и результаты разного рода наблюдения за политзаключенными с помощью агентуры (какой это ценнейший источник, видно из единично опубликованной докладной записки оперуполномоченного 2 СПО Сидорова, описывавшего настроения и разговоры социалистов и анархистов, содержащихся в Верхнеуральском политизоляторе, а фактически давшего уникальные сведения, позволившие судить о высокой степени развитости отдельных элементов субкультуры российского революционера⁴).

Таким образом, именно поздний период существования субкультуры российского революционера, хранителями и носителями которой являлись социалисты и анархисты в советских тюрьмах и лагерях (до конца 30-х гг., когда их большая часть была уничтожена) и в эмиграции (до 1950-х и 1960-х гг.) хуже всего обеспечен источниками (эсеровская и меньшевистская эмиграция 20–50-х гг. обеспечена все же лучше (по крайней мере по степени доступности). Впрочем, если когда-нибудь дела 1920-х — 1930-х гг. из архивохранилищ ФСБ и МВД станут доступны исследователям на уровне доступности дел ГАРФ и РГАСПИ — ситуация с источниковой базой может резко измениться.

Говоря о проблемах, затрудняющих исследование ряда аспектов данной темы, следует сказать, что о некоторых из них, таких, как интимные отношения и всякого рода проявления девиантного поведения (вроде пьянства, «нетоварищеского поведения», хамства и дебошей, проявлений антисемитизма, краж), мемуаристы предпочитали молчать или упоминать мимоходом — «без подробностей».

Богатейший и ценнейший материал по девиантному поведению революционера дают материалы следственных и судебных структур ПСР и РСДРП первой четверти XX в. (хранятся в РГАСПИ, ГАРФ, МИСИ и Губерновском архиве и освещают преимущественно эмигрантскую революционную среду). Они также вполне позволяют реконструировать нормативную базу и механизмы партийного правосудия и исследовать различные аспекты правосознания и правовой культуры революционера, являвшихся краеугольным камнем созданной им субкультуры. Эти материалы уникальны тем, что в отличие от материалов государственного следствия и суда, прямая ложь свидетелей и отчасти подсудимых (за исключением тех, кому терять было уже нечего, скажем — провокаторов) встречалась крайне редко.

Это следует объяснить, с одной стороны, особенностями самой революционной среды, где прямая ложь была вещью небезобидной и небезопасной, с другой — уникальными условиями, в которые были поставлены свидетели, дававшие показания. В отличие, скажем, от последующих воспоминаний многие из них опасались исказить факты, ибо могли быть легко уличены во лжи и сличением показаний и дополнительными свидетельствами. Как правило, предпочитали умалчивать или отвечать не по существу. Но даже выигрышная тактика умолчаний, к которой они зачастую прибегали, не всегда была эффективной. В отличие от привычного многим официального следствия и суда, где они могли отказаться от дачи показаний или запутывать следствие, в партийных

⁴ Меньшевики в Советской России. Сб. док-тов. Казань, 1998. С. 122–124.

следственных и судебных заседаниях они такой возможности были практически лишены, потому что прямая ложь или отказ от показаний, несомненно, возбудили бы подозрения в самом худшем для революционера — в провокаторстве.

Из этого вовсе не следует, что показания всех свидетелей и во всех своих частях абсолютно достоверны и не грешат субъективизмом, ярко выраженными симпатиями и антипатиями, попытками сослаться на забывчивость, уйти от неприятной темы, мелким выпутыванием и т.п. Но они ценны тем, что многие из свидетелей по неволе говорили на такие темы, которые вообще не затрагивали в своих мемуарах и статьях. Особенно это ярко проявилось в работе Судебно-Следственной комиссии ЦК ПСР, рассматривавшей в 1909–1911 гг. «дело Азефа», материалы которой хранятся в ГАРФ (Ф. 1699).

Только использование всех видов источников и перекрестная перепроверка информации может дать достоверные сведения по некоторым аспектам субкультуры российского революционера.

Не следует забывать и о том, что все революционные партии осуществляли и свою собственную «политику памяти», а мемуаристы подвергались некоторой цензуре и самоцензуре. Так, например, в августе 1907 г. члены ЦК ПСР, познакомившись с присланной им Б.В. Савинковым биографией И.П. Каляева, решили предложить автору «изменить характеристики отношения Каляева к террору и к мистике, как не соответствующие истине, так как заявления самого Ив. Плат. (на суде — К.М.) идут совершенно вразрез с характеристиками автора. Если согласие со стороны автора не последует — партии ее не печатать и дать понять автору, что опубликование этой биографии вредно партии и непозволительно по отношению к имени Ивана Платоновича»⁵.

Историография

Историография проблемы находится в процессе становления, т.к. исследователи в течение многих лет избегали не только как-либо типологизировать данное явление, но даже и называть его. Как представляется, их останавливало то, что для исследования этого феномена обществоведческие науки того времени не давали достаточно эффективных подходов и инструментов, не говоря уже о том, что возможности марксистских, народнических и анархистских теорий (приверженцами которых были российские революционеры) были еще ограниченнее, хотя само наличие данного феномена не отрицалось. Одни из первых исключений — книга М. Могильнер «Мифология подпольного человека»⁶ и книга Б.И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть», в которой феномен хотя бы был назван — «революционная традиция» и *субкультура* революционного подполья⁷. Однако, на наш взгляд, подполье это, хоть

⁵ Международный институт социальной истории (МИСИ). Архив ПСР. 152.

⁶ Могильнер М. Мифология подпольного человека. М., 1999.

⁷ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

и существенная, но это была лишь часть жизни, деятельности и бытования революционера. Были еще тюрьмы, ссылки, каторга, эмиграция, а наряду с нелегальным положением и легальное... Проведенные исследования свидетельствуют, что самые строгие нормы субкультуры как раз и возникли для регламентации поведения революционера на следствии, в тюрьме, ссылке и на каторге. Поэтому на наш взгляд, уместнее более широкий и точный термин — «субкультура российского революционера».

В последние десятилетия появилось множество теорий, пытавшихся осмыслить феномен революционности как один из вариантов девиантного поведения. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает направление, сложившееся в рамках теории конфликта и фокусирующее внимание на социокультурных аспектах отклоняющегося поведения. Согласно этому направлению (А. Коэн), девиантное поведение основано на нормах другой культуры. По словам исследовательницы Г.И. Авциновой, «с таких позиций революционер может рассматриваться как носитель определенной субкультуры, конфликтной по отношению к господствующим в данном обществе ценностям, ориентациям, традициям, нормам, стандартам поведения. При таком понимании девиантность представляет собой не столько следствие «сбоев» в процессе социализации, сколько альтернативную реакцию на действующие механизмы включения индивида в социально-политическую среду, адаптацию и функционирование в ней»⁸.

Автором данной статьи были сделаны первые шаги по изучению некоторых аспектов этой большой и многоуровневой темы⁹.

Методологические проблемы

Во-первых, проблема явно требует комплексного анализа и знаний в самых различных областях, так как сама она на стыке сразу нескольких дисциплин: от истории и культурологии до психологии и юриспруденции.

Во-вторых, велика опасность нарушить принцип историзма, «переводя» тончайшие нюансы ментальности и поведения человека, ушедшего мира и субкультуры революционера на «язык» современного человека, с одной стороны совсем иной ментальности,

⁸ Авцинова Г.И. Революционер в России: история и теория. Киев, 1995. С. 65.

⁹ См. подробнее: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005; *Он же*. Партия социалистов-революционеров во время и после революции 1905–1907 гг.: Социокультурный феномен в контексте субкультуры российского революционера // *Cahiers du Monde russe*, 48/2–3, Avril-septembre 2007. P. 301–330; *Он же*. Поведение революционера на следствии, суде и в тюрьме в контексте традиций революционной субкультуры (на материалах судебного процесса 1922 г. над социалистами-революционерами): 1922–1926 // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2002 года: Сб. рефератов избр. работ*. Екатеринбург, 2005. С. 50–53; *Он же*. Тюремное сопротивление и борьба за политрежим социалистов (1918–1930-е): сущность явления, формы и парадоксы // *История сталинизма: репрессированная провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск. 9–11 октября 2009 г.* / Под ред. Е.В. Кодина. М., 2011. С. 451–460; Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907–1914 гг. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. 2004. № 4. С. 45–54.

с другой — до предела напичканного советскими и постсоветскими стереотипами; с третьей — не очень-то толерантного и готового (или желающего) — «не смеяться, не плакать, но понимать» — особенности и нюансы чужой ментальности.

В-третьих, отделяющий нас от героев нашего исследования век — век скоростей и динамизма — кардинально изменил восприятие современного человека, желающего получать концентрат информации, породив диковинное явление — комиксы и краткие пересказы Достоевского и Льва Толстого. Проблема заключается в том, что практически все (даже сугубо деловые) документы, имеющиеся в нашем распоряжении — письма, заявления, объяснительные и докладные записки, стенограммы и протоколы заседаний, написаны людьми, считавшими, что именно «в нюансах и спрятана правда», а потому весьма подробны и объемны. Проще говоря, то, что современный человек передал бы в одной страничке, интеллигент начала XX в. передавал на 8–10-ти. Попытка «ужать» текст до привычного для нас восприятия в ряде случаев наносит огромный урон — теряются оттенки, нюансы, колорит, а это ведет к затруднению пониманию и без того весьма непростого явления.

В-четвертых, тупиковыми являются попытки вывести один усредненный «типаж» революционера, которые неизбежно ведут к искажению исторических реалий. Слишком уж разнородна и социально и психологически была революционная среда (особенно после революции 1905–1907 гг.), слишком уж по-разному были «выварены» сами революционеры в котле собственной субкультуры, слишком уж по-разному следовали ее нормам даже в тех случаях, когда и вариативности особой не предполагалось. Самый яркий пример последнего: когда руководство ПСР и РСДРП настойчиво стало требовать от членов своих партий отказываться от дачи показаний, большая часть их членов все равно предпочитала использовать другие тактики поведения на допросе (особенно популярной всегда была тактика «выпутывания»), чтобы избежать конфронтации со следователем и получить более мягкий приговор. Ведь за одно и то же деяние можно было получить ссылку «в места отдаленные» (вплоть до «туруханки» и «якутки») и в «места не столь отдаленные» (ссылка в некоторые губернии и даже губернские города в Европейской части России). И партийное руководство, и партийное общественное мнение смирилось с этим, определив только запретную границу в поведении на допросе — дача «откровенки».

Хронологические рамки и трактовка субкультуры революционера как общей, «рамочной».

Вариативные типы субкультуры революционера

Хронологические рамки существования субкультуры российского революционера, на наш взгляд, определяются моментом ее формирования на рубеже 50-х и 60-х гг. XIX в. (впрочем, ее генезис требует очень серьезного исследования) и насильственным ее уничтожением вместе с ее носителями к концу 30-х гг. XX в. (последние ее очаги погасли в эмиграции).

Особо подчеркнем, что, говоря о субкультуре российского революционера, мы говорим о субкультуре т.н. «профессиональных революционеров». Было бы неверно

считать, что каждый член ПСР и РСДРП «практиковал» нормы субкультуры революционера. Это было не так даже тогда, когда революционное движение существовало в форме «конспиративно-элитарных организаций», и уж совсем стало не так, когда в 1905–1907 гг. в молодые партии пришли десятки тысяч людей из разных слоев общества, принесшие с собой свои старые привычки и поведенческие нормы. Особо отметим, что понятие революционера и революционной среды четко не определено, и потому часто трактуется несколько произвольно и широко. Мы же говорим, прежде всего, о человеке, сознательно вошедшем в революционное движение и воспринявшем писанные и неписанные нормы революционной среды, регламентирующие самые разные стороны его жизни и поведения в различных ситуациях. Сами революционеры прекрасно видели неоднородность революционной среды и размытость в общественном сознании термина революционер и о многих их тех, кто сам причислял себя к революционерам (или их причисляли) иронически говорили как о «тоже-революционерах» и о «тоже-политических»¹⁰.

В контексте всего вышесказанного заслуживают внимания имеющиеся в черновиках В.М. Чернова тезисы, посвященные роли интеллигенции в революционных партиях: «В обычное время — скелетообразующие кадры. Проф. революционер. Странств. апостол социализма, рыцарь, карающий насильников. В своем роде великолепный тип. Тюрма — его университет. Допросы — экзамен на аттестат зрелости. Конспирация — быт. Состязание в ловкости и неуловимости с полицией — его спорт. Побег из тюрмы — эпизоды. Паспортная, динамитная, шифровальная техника — его профподготовка. Пропаганда и агитация — его жизнь»¹¹.

Рассматривая субкультуру российской революционной среды с рубежа 50-х и 60-х гг. XIX в. до конца 30-х гг. XX в., мы приходим к выводу, что и она была не общей и единой для всех и вся, а может быть признана нами как «рамочная», как некая абстракция, как термин. Пытаясь очертить контуры субкультуры российского революционера, мы столкнемся с тем, что имеются серьезнейшие отличия не только «поколенческие» (т. е. между субкультурой народников 70-х гг. XIX века и субкультурой эсеров и меньшевиков, поддерживавших ее и живших в ней на рубеже 1920-х — 1930-х гг.), но даже и в рамках одного поколения — на уровне партийно-группового позиционирования. Совершенно очевидно, что серьезно отличались (если не говорить сразу о разных вариантах революционной субкультуры) южные «бунтари» и северные «пропагандисты» 70-х гг. XIX в., эсеры, социал-демократы, анархисты в начале XX в.

Вероятно, очень существенной причиной для таких «расселений по углам» в общей партийной «комнате» являлся темперамент и волевые качества людей, большая или меньшая рассудочность, или, напротив, склонность к прямому активному действию, а то уж и вовсе склонность к волюнтаризму и т.д. Ведь нечто похожее произошло и у эсеров, от которых в годы революции 1905–1907 гг. откололись максималисты, во многом предвосхитившие эксперименты большевиков в 1917 г., а в 1917 г. в ПСР

¹⁰ См.: Спиридонова М. Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 435.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5847 (В.М.Чернов). Оп. 1. Д. 67. Л. 229.

кроме эсеров центра (собственно эсеров) появились «левые эсеры», по темпераменту близкие к максималистам и большевикам, и «правые» эсеры типа Н.Д.Авксентьева, В.В. Руднева, И.И. Фондаминского, М.В. Вишняка, обладавшие совершенно иной физиономией. В 1921 г. Чернов скажет «правым» эсерам: мы по отношению друг к другу варвары, говорящие на разных языках.

Еще в 1910 г. Чернов говорил только о максималистах (то же самое можно было бы сказать и десять лет спустя о левых эсерах): «Многие элементы, характеризующиеся нетерпеливым, резко-революционным и непримиримым темпераментом, которым естественнее всего было бы примкнуть к анархизму, шли в ряды ПСР, моральный и политический престиж которой был высоко поднят в глазах публики рядом громких деяний. ...Они-то и явились впоследствии в партии теми центробежными силами, которым не хватало только лидеров для того, чтобы выделиться в особую фракцию или даже в новую партию»¹².

Взгляды и субкультура «правых» эсеров не сложились в нечто цельное, фиксированное на бумаге (несмотря на огромное количество статей, написанных ими в эмиграции) и требуют дополнительного изучения с привлечением всех источников. В этом видится одна из причин того, что ни современники, ни историки не могли вразумительно объяснить, что же собою представляет «правый эсер». В свое время это попытался сделать Вишняк, у которого получилось пространное, патетическое и весьма расплывчатое определение. По его словам, «правый эсер — не сторонник лозунгов «все или ничего», «сейчас или никогда», он не абсолютизирует какое-либо одно начало, исключаящее все другие, не является ни догматиком, ни тем более фанатиком, не претендует на собственную непогрешимость.

Правый эсер чужд пафоса разрушения, которое принимает в ницшеанской формуле «лишь как творцы можем мы уничтожить». Правый эсер считает, что противникам следует «раскрывать глаза, а не вырывать их». Правый эсер «исполнен стремления к свободе, напоен ее пафосом», являясь народником и идеалистом, признающим общественные нужды и цели стоящими выше личных. «Идеологически правый эсер считает себя реалистом», признавая и «категорический императив» и критическую проверку разумом всех сторон жизни. Правый эсер — «патриот без шовинизма», он знает, где его родина, но он и интернационалист»¹³. Впрочем, ему же принадлежат строки, намного рельефнее показывающие феномен «правого эсерства». Так, вспоминая о 1920–1930-х гг., Вишняк писал: «Многое отличало правое крыло партии от других групп или «крыльев» в партии. Одной из характерных и существенных черт было то, что мы не исходили от социализма, как основы основ или высшей и абсолютной ценности, а приходили к нему, как к следствию и выводу, логически и исторически вытекавшему из гуманизма, демократизма, свободолюбия, достоинства человека, социальной справедливости. Это отличало нас от тех, кто по старинке считал социализм «миросозерцанием», разделившим мир на приверженцев социализма и всех других — «буржуев», «либералов», консерваторов, реакционеров, фашистов... Отказавшись от

¹² Чернов В. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. Париж. 1910. № 1. С. 178.

¹³ См.: Вишняк М. Памяти ушедших // Новый журнал. 1953. № 33. С. 287–289.

претензии быть последним словом о первых и последних вещах, социализм перестал быть для нас катастрофичным, строящим новое на отрицании и противоположении всему предшествующему, обветшалому... Дух разрушения сменялся волей к творчеству и созиданию. Призыв к ненависти и классовой и национальной борьбе — зовом к солидарности, от класса исходящей и чрез солидарность нации к международному и общечеловеческому содружеству восходящей»¹⁴.

В эсеровской партии складывался и еще один тип эсера и, наверное, даже еще один весьма специфический вариант эсеровской субкультуры, не похожий на базовый. Он формировался исподволь среди членов БО ПСР в 1903–1905 гг., находившихся в совершенно необычных, резко отличающихся от повседневной жизни т.н. партийных «массовиков» (пропагандистов, агитаторов, техников, комитетчиков и т.д.) условиях. Эта «субкультура», символом которой стал Савинков, стала объектом критики и травли даже в эсеровской среде, против нее ополчились и «старики», и «молодые», и «массовики» и даже ряд «террористов» — боевиков называли «революционными кавалергардами», критиковали за высокомерие, дух исключительности, отчужденность от остальной части партии (Чернов накануне Первой мировой войны в неопубликованной статье «Политический террор» даже придумал далекий от жизни план ротации «боевиков» и «массовиков»¹⁵), за игру в ницшеанство, бесконечные рассуждения о смерти, о праве на убийство, за богоискательские тенденции, наконец. Надо сказать, что неприятие в эсеровской среде этого явления, которое можно назвать зачаточной субкультурой, ее травля и травля ее лидера и символа Савинкова отнюдь не способствовали ее расширению и привлечению новых адептов.

Молодежная контркультура как один из системообразующих факторов субкультуры революционера. Механизмы взаимодействия «старого» и «нового» поколений революционеров; проблема консервации и изменения в нормах субкультуры

На наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением Льва Лурье¹⁶, что субкультура революционера, созданная как молодежная контркультура, «медленно разрушается», и «герметизируется», по двум причинам. Так оно и было бы, если бы созданная молодежью 1860–1870-х гг. субкультура не испытывала притока свежей крови; но в том-то и дело, что каждое поколение, толкаемое стремлением создать «молодежную контркультуру» вносило что-то свое, новое, омолаживало эту субкультуру. Порой это шло в конфликтах между «отцами» и «детьми», иногда консенсус достигался, иногда — нет.

¹⁴ Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.-Дюссельдорф, 1993. С. 182–183.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 1ж. Л. 1–6, 9.

¹⁶ Из выступления Л. Лурье 14 декабря 1996 г. в «Мемориале» на теоретическом семинаре «Субкультура оппозиционных движений в России XIX–XX вв.» (в организации которого принял участие и автор данной статьи).

Именно молодежь не давала покоя «загерметизировавшимся» в своих взглядах и вкусах «старикам», она становилась своего рода «двигателем прогресса», она заставляла в спорах и дискуссиях добавлять «свое», «новое», что обеспечивало развитие, обновление субкультуры, придание ей адекватности новым реалиям, в которых молодежь и родилась и которые хотела учитывать. Этот процесс «обновления» был постоянным и касался многих вопросов.

Так, например, в начале XX в. произошло любопытное столкновение эсеровских «стариков» и молодой эсеровской поросли из кружка т.н. «грызунов науки» (так их называл М.Р. Гоц¹⁷), «галлов» (О.С. Минор), или «германо-эсеровского выводка» (В.М. Чернов) — группы студентов, учившихся в 1899–1904 гг. в Берлинском, Галльском и Гейдельбергском университетах, состоявшей из А.Р. Гоца, Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, И.И. Фондаминского, В.В. Руднева, Д.О. Гавронского, М.О. Цейтлин и др. Центральной фигурой этого «выводка» был Авксентьев, чье лидерство признавали все члены этого, по словам Чернова, «целого кружка незаурядных людей, сыгравших немалую роль в истории партии социалистов-революционеров то как единое целое, то порознь»¹⁸. Члены кружка твердо решили, что прежде чем они уйдут с головой в партийную работу, они должны как следует к этому теоретически подготовиться. Большинство из них изучали философию и хотели «под народническую политическую программу и неонародническую философию» подвести «не столько Лаврова и Михайловского, сколько Канта и Рилля»¹⁹. В 1903 г. после ареста Гершуни и разгрома целого ряда эсеровских организаций (в том числе саратовской, выполнявшей функции ЦК), когда многие руководители партии стали всерьез опасаться за ее судьбу, М.Р. Гоц и О.С. Минор, отправившись в Германию, попытались призвать «галлов» поехать в Россию спасти ситуацию. «Старики» пытались в соответствии со своими представлениями объяснить им, что их долг в условиях кризиса прервать учебу и ехать на подпольную работу в Россию. В 1870-е или 1880-е (когда среди революционеров эмиграция вообще считалась неприличной и рассматривалась как дезертирство) и даже в 1890-е гг. любой революционер, не желавший выглядеть малодушным, поехал бы в Россию. «Грызуны» же настояли на том, что для революции и партии будет полезным, если они продолжат учебу. И самое главное, что это сошло им с рук, и их не объявили ни эгоистами, ни дезертирами и трусами и т.п., а вскоре они сделали стремительную партийную карьеру за считанные годы. То, что на их эксперименты с философией и социологией смотрели терпимо, объясняется атмосферой в эсеровской среде (сразу отметим, что социал-демократическая среда была значительно менее терпима, и это затрудняло процессы адаптации «новых» идей и изменения субкультуры). А то, что приняли терпимо их отказ ехать в Россию, говорило о том, что «старики» оказались вынуждены «подстроиться» и придумать себе в утешение и самоуспокоение соображения о том, что неподчинившиеся в их понимании «святому» партийному долгу «грызуны», может быть, и правы.

¹⁷ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 186.

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ Там же. С. 190.

Или когда Савинков восстал против позитивизма и рационализма «старой» революционной морали, предприняв, по его словам, попытку «**революции духа**, борьбы с той стороной человеческого «я», которая — я замечал — во всех даже самых свободных людях несвободна и глубоко консервативна. Я говорю именно о духе, — о старой морали, старых традициях, я бы смел сказать — старой рутине»²⁰, его взгляды потерпели поражение не только потому, что их в штыки встретили «старики», гораздо сильнее на это поражение повлияло то, что их не поняла и отвергла немалая часть молодежи, и Савинков стал «еретиком» в глазах и тех и других. Более того, он во многом опередил эту среду и поднялся выше нее в рефлексии, готовности говорить нелицеприятное об изнанке жизни революционера и непонятном для большинства товарищей по партии желании «раскрепостить дух», что привело к отторжению и абсолютному непониманию. Савинков и революционная среда (за исключением нескольких человек, в том числе и видных эсеров Л.Э. Шишко, В.М. Чернова, И.И. Фондаминского и других, защищавших его) заговорили, как слепой с глухонемым. Совсем молодая тогда эсерка Б.А. Бабина уже в конце 70-х гг. XX в. считала, что необходимыми качествами для роли вождя эсеровской партии обладал именно Б.В. Савинков, если бы он не взорвал свой имидж этическими поисками в «Коне Бледном» и «То, чего не было», и весьма резко отзывалась о Чернове²¹.

Прямолинейность прочтения «эсеровской молодежи» (и не только молодежью) тех моральных парадоксов из жизни революционера и террориста, на которые пытался обратить внимание Б.В.Савинков, показывает, что утвердившуюся систему взглядов сложившейся субкультуры весьма трудно поколебать и что носители этой субкультуры отторгают «еретичество» даже не задумываясь над ним всерьез.

«Обновление» молодежи и взглядов и субкультуры во многом облегчалось тем, что шла ротация революционных кадров, когда одних власти «изымали из жизни», а другие со временем просто уходили в личную жизнь и «в карьеру».

Кроме того, мы бы поставили совсем иной акцент, чем Лев Лурье, в вопросе о взаимосвязи и первичности «молодежной контркультуры» и субкультуры революционера. Представляется, что революционная молодежь 1860-х и 1870-х гг. в поисках понимания окружающего мира и своего места в нем изначально создает то, что мы бы сейчас, в привычных для нас терминах, назвали «молодежной контркультурой». Но ее носители стали реализовывать себя в основном в общественно-политическом пространстве, именно это поприще и считали для себя главным (в отличие, скажем, от разных вариантов и конкретных форм «молодежной контркультуры» второй половины XX в.). Впрочем, это отнюдь не значит, что революционеры разных поколений не пытались «освоить» какие-либо другие сферы жизни, кроме общественно-политической. С одной стороны, была создана субкультура, диктовавшая революционеру и образ жизни, и формы досуга, и круг чтения, и поведенческие нормы, фактически регламентирующие его действия даже в таких вещах, как, скажем, посещение публичного

²⁰ Цит. по: Письмо Б.В. Савинкова В.Н. Фигнер / Публ. Р.А. Городницкого и Г.С. Кана // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 18. М.-СПб., 1995. С. 196.

²¹ Беседа с Б.А. Бабиной // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М.: Прогресс, Феникс, 1990.

дома или увлечение алкоголем, склонность к азартным играм, разгульный образ жизни и даже внешний вид и т. д. и т. п. С другой стороны, многие из них рассматривали свою субкультуру как своего рода базовую (или как прообраз) для создания культуры нового социалистического мира, культуры, которая станет синтезом их субкультуры и культуры «трудящегося народа». Совершенно не случайно в начале XX в. были популярны идеи богостроительства и «пролетарской культуры». Но это было уделом наиболее «продвинутых», выражаясь языком современной молодежи. А для массы революционеров считалось аксиомой, что своей жизнью, своей борьбой, своей моралью и даже своим бытовым поведением они должны служить маяками, примерами для миллионов, прозябающих в нищете и вне «культуры».

Как представляется, субкультура революционера не только родилась как «молодежная контркультура», она в ядре своей таковой и оставалась. Революционная среда в целом все же всегда была молодежной. Исключениями были моменты, скажем, революции 1905–1907 гг., или 1917 г., когда она была захлестнута десятками и сотнями тысяч людей разного возраста (и что важнее, другой культуры, как правило, бывших в ней чужаками), которые, впрочем, уходили в подавляющем своем большинстве весьма стремительно, при первых же репрессиях. После Февраля 1917 г. даже появилось ироничное название для таких чужаков — «мартовский эсер».

Естественно, что, говоря о «молодежной», мы имеем в виду не крестьянскую или рабочую молодежь и их культуру. Субкультуру российского революционера формировала интеллигентская молодежь (преимущественно гимназисты и студенты первого-второго курса), которая, правда, и сама была весьма пестрой по социальному происхождению (от дворян до детей мещан, священников, мелких чиновников и т. п.) и по той культуре, которую ее выходцы приносили с собой из своих социальных страт (не случайно в 60-е гг. XIX в. за этой средой закрепилось название «разночинной»). Представляется, что субкультура российского революционера, есть точка пересечения влияния различных субкультур, своего рода симбиоз различных субкультур (являясь, прежде всего, плотью от плоти интеллигентской субкультуры, которая в свою очередь испытала мощное воздействие дворянской субкультуры, с ее понятиями чести и с развитой системой и отлаженных механизмов ее защиты. В этом плане показательно «Дело Грозовского — Селитрянного» (Грозовский дал оппоненту пощечину: тот якобы оскорбил некую даму, держа в другой руке кистень и угрожая в случае ответных действий проломить череп), разбиравшееся революционерами в 1892 г. в Цюрихе²², свидетельствующее о том, какие разные традиции тащили за собой разночинные элементы революционной среды и как немало сил и времени приходилось тратить революционерам в выработке общей этической и правовой оценки пощечины).

По свидетельству Л.Г. Дейча, в 1877 г. в среде революционеров возраст в 25–26 лет считался уже очень «почтенным»²³. Но даже спустя три-пять десятилетий, когда заговорили о «революционных поколениях», о «революционных ди-

²² Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky collection. Box 173. Folder 12.

²³ Дейч Л.Г. Валерьян Осинский (К 50-летию его казни) // Каторга и ссылка. 1929. № 5 (54). С. 8.

настиях», когда в руководстве революционных партий появилось много убежденных седиными «почтенных революционных старцев», когда появилась «бабушка» (Е.К. Брешко-Брешковская) и «дедушка» (Н.В. Чайковский, правда, из-за недостойного поведения на суде в 1908 г. потерявший это звание) «русской революции», средний возраст членов оппозиционных социалистических партий был весьма молодым, и применительно к эсерам составлял, по подсчетам историка М.И. Леонова, не более двадцати двух лет.

О том же самом говорит черновая запись В.М. Чернова о роли интеллигенции в революционных партиях: «Интеллигенция: цвет, сливки, доктринеры. До 20–25 лет»²⁴. Весьма показательна и реплика, прозвучавшая на III Совете ПСР в июле 1907 г. из уст эсера-обкомовца: «Мы и с.-д. не партия; возьмем возрастной состав: средний возраст герм[анских] с.-д. 30 лет, я член ОК — мне несколько больше 20»²⁵. К «германским» возрастным стандартам с.-д. и с.-р. приближались только, когда речь шла о руководящих кругах этих партий. Так, например, среди участвовавших в I общепартийной конференции ПСР, проходившей в августе 1908 г. («20 представителей областных и губернских организаций, 6 членов ЦК, 37 уполномоченных ЦК и видных теоретиков») был опрошен 61 человек. Возрастные параметры оказались следующие: в возрасте до 25 лет было 9 человек, от 25 до 30 — 19, от 30 до 35 — 10, от 35 до 45 — 12, от 45 до 64 — 10. Выделяется группа от 25 до 35 лет (29 чел. — 47,6 %). Чернов подчеркивал средний возраст социал-демократов, вычисленный по анкетным данным участников V съезда РСДРП, состоявшегося в 1907 г., и приводил количество обысков, побегов, лет тюрьмы и т.д.: «Лондонский съезд с.-д. 338 чел. — 597 лет гласного надзора, тюрем, ссылки, каторги. Средний возраст 28 лет — 710 привлечений к делу, 201 побег. Лондонская конференция ПСР 61 чел. — 228 обысков, 146 попаданий в тюрьму, 121 год ссылки, 104 года тюрьмы, 88 лет каторги»²⁶.

Понять, как происходило в реальной жизни поддержание за молодежью численного перевеса в революционной среде, нам поможет обращение к опыту, поставленному самой жизнью после первой российской революции, хотя этот механизм работал и раньше и позже. Весной 1912 г. один из руководителей партии, А.А. Аргунов, писал: «Первое, что останавливает внимание, — это почти полное отсутствие в подполье нашей взрослой интеллигенции. Это наблюдается повсюду, констатируется в сообщениях с разных мест. [...] За самым редким исключением, «опытные», «взрослые» и проч. товарищи стоят в стороне от подполья. [...] На смену прежним руководителям движения явилась молодежь, работа в подполье ведется силами ее и передовой части рабочих и крестьян, при безучастном отношении взрослой опытной публики»²⁷. Впрочем, бывшие партийные работники стояли в стороне и от легальной работы в различного рода «культурных учреждениях»²⁸.

²⁴ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 65. Л. 112.

²⁵ МИСИ. Архив ПСР. 145.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 229.

²⁷ Кубов А. Голоса из подполья (Заметка) // Знамя труда. 1912. № 42. С. 11.

²⁸ Там же.

Примечательно, что в это же время А.А. Аргунов выступил инициатором издания «Памятной книжки с.-р.», в первом выпуске которой новое поколение эсеров знакомилось с программой, уставом и основными решениями съездов и Советов партии, а во втором — с техникой паспортного дела, статистикой террористических актов и указателем статей «Революционной России».

В этом контексте примечательны рассуждения Б.А.Бабиной, пришедшей в ПСР после поражения революции 1905-1907 гг. Оказавшись в феврале 1922 г. в Бутырской тюрьме вместе со многими видными эсеровскими лидерами, она восклицала: «[...] а ведь я их совсем мало знаю. Когда мое поколение пришло на подпольную работу, они все были кто уже в эмиграции, кто на каторге[...]»²⁹.

Конечно, нельзя абсолютизировать степень разорванности и обособленности старой и новой, растущей и объединяющейся партийной организации ПСР, но нельзя не видеть и того факта, что старая партия фактически рассыпалась, а ее вожди потеряли львиную долю своего авторитета и влияния. Конечно, в новых организациях работала и небольшая часть старых партийных работников, символизировавшая и осуществлявшая на практике преемственность идей и поколений, продолжали функционировать центральные органы партии, которые пытались координировать деятельность новых организаций и связать их воедино под своей эгидой. И тем не менее, к 1913–1914 гг. ни для кого в партии не было секретом, что в России растет новая партийная организация, почти сплошь состоящая из новой генерации партийных работников, довольно скептически относящихся к авторитету и тактическим построениям эмигрантских лидеров партии.

Подобное повторилось и в 1923–1924 гг., когда студенческая молодежь, начав борьбу с властью за свои права и «университетскую автономию», судорожно искала социалистов, которые уже были в ссылках и политизоляторах, и очень хотела помощи и ответов на многие вопросы³⁰.

Сломать этот механизм прихода молодежи в революционную среду удалось только в 1930–1940-е гг., с одной стороны, физическим уничтожением этой самой революционной среды, с другой — вбиванием в голову недопустимости наличия у советской молодежи какой-либо «контркультуры».

Некоторые отличия субкультуры революционера от субкультур сектантов и уголовного мира

Еще одна проблема — это вопрос о степени «закрытости» субкультуры революционера и самой революционной среды как группы с девиантным поведением. Аналогия с другими группами, такими, как религиозные секты и уголовное сообщество, уместны лишь до определенного момента. Прежде всего, представляется, что субкультура революционера в отличие, скажем, от религиозных сектантов, действительно, ста-

²⁹ Бабина Б.А. Февраль 1922 / Публ. В.Захарова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 23.

³⁰ См., напр.: Олицкая Е. Мои воспоминания. Frankfurt-am-Main, 1971. Т. 1. С. 226.

равшихся не выходить из своего, как метко заметил Л. Лурье, «культурного скита», была более открыта для новаций. Другими словами, неистребимая печать «молодежной контркультуры» делала субкультуру революционера очень непохожей на другие замкнутые субкультуры. Кроме того, различны механизмы прихода в сектантскую и революционную среду. В первом случае почти исключительно работает канал рождения в данной среде и лишь отчасти — приход со стороны. Но, как представляется, и в «традиционных», и даже в «новых» религиозных сектах действует куда более мощная, чем в революционной среде, система табу, мешающая молодежи разрушить святыне для секты идеи и формы (даже формы защищены мощнейшими табу). Важно и то, что революционер ищет свободу не только для общества, но и для себя. И революционная среда (по представлениям вступающего в него молодого человека) должна была бы ее обеспечить. Другое дело, что в реальности вместо ожидаемых «свободы, равенства и братства» молодой революционер мог встретить и деспотизм Нечаева, проводившего в жизнь положения своего «Катехизиса революционера».

Необходимо также отметить, что у революционеров был велик интерес к сектантам самых разных толков, и предпринимались попытки использования их в революционных целях. Особо подчеркнем, что революционную и сектантскую среду также объединяло (а вот этого совсем не было в уголовной среде), общее стремление нести в народ проповедь своей «правды», своей «веры».

Уголовно-криминальная субкультура — и с точки зрения поиска молодежью «контркультуры» и с точки зрения ценности личной свободы (и в легендизированном образе воровской свободы и культе «незарешеченной» воли), в каком-то смысле ближе к революционной. Совершенно не случайно, что в ряде случаев революционеры испытывали неподдельный интерес к уголовному миру. Широко известно, что М.А. Бакунин и «бакунисты» 70-х гг. XIX в. считали «разбойников» своеобразным авангардом грядущей революции, да и позже анархисты, выбирая, кто им ближе, тяготели к ним. Так, скажем, эсерка И.И. Ракитникова вспоминала о своем этапном путешествии в Сибирь в 1907 г.: «Было в составе партии и много анархистов разных толков. Отмечу, что они держались обособленно и к нам, “политическим”, т.е. соц.-дем. и соц.-рев., относились весьма недружелюбно, зато с самыми темными личностями из уголовных были за панибрата. Доходило даже до попытки с их стороны восстановить против нас уголовных»³¹.

С другой стороны, и сами уголовные элементы, скажем, в стихиях революций 1905–1907 гг. и 1917 г. охотно маскировались под «революционные» экспроприаторские группы, перемешиваясь порой с выходцами из эсеровской, эсдековской, максималистской и анархистской среды. Таких экспроприаторских групп было в это время немало.

В то же время между ними было слишком много различий. Представляется, что «закрытость» революционной среды совершенно иная, чем у уголовно-криминальной субкультуры и у сектантов, и помимо прочего, о чем уже говорилось, диктовалась еще двумя обстоятельствами. Уголовно-криминальная субкультура не ставила себе

³¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний). Оп. 3. Д. 66. Л. 158.

задачи глобального преобразования современного мира сверху донизу: от культуры до экономики. Ее носители не собирались идти в народ с проповедью тех или иных идей, и все общение с различными категориями граждан у «уголовного мира» сводилось к оказанию им помощи в освобождении от «лишнего» имущества и денег. Но есть и еще одно обстоятельство. Сектанты тоже несли «веру» и порой не прочь были ее «пропагандировать». Но в отличие от революционеров сектантам и в голову не приходило учиться чему-то у народа и с помощью понятого и осмысленного исправлять свою «веру» и образ жизни. Социалисты же смотрели на «народ» или на «пролетариат» (в зависимости от партийной окраски) как на «бога», у которого хотели учиться и которому хотели искренне служить, а для этого хотели понять его потребности (что опять же толкало к изучению этого «бога»). «Хождение в народ» и непонятость народом заставили часть революционеров обратить свои взоры на пролетариат, а часть подхлестнули к серьезнейшему изучению своего «бога», которому они собрались «помогать». Народнические публицисты с 1870–1880-х гг., а позже и эсеры всерьез принялись за изучение крестьянства, его быта, его экономики, его ментальности и за несколько десятилетий многого добились. Социал-демократы, в отличие от народников, «обожествовали» не весь «трудящийся народ», а только часть его, а именно «пролетариат». Но поклонялись они ему в 80-90-е гг. XIX в. не менее истово.

Влияние нелегальности и конспиративности на складывание и эволюцию субкультуры российского революционера

Сильнейший отпечаток на субкультуру революционера наложило то, что она всегда была гонимой, противозаконной, нелегальной. В своих воспоминаниях Дейч в качестве характерных черт «нелегала» отмечал «постоянную привычку к опасностям, полное равнодушие к своему будущему, готовность в любой момент расстаться со свободой, а то и с самой жизнью», «стремление сделать что-нибудь заметное, крупное, громкое», «жажду сильных ощущений, рискованных и опасных предприятий», готовность «в любой момент примкнуть к самому отчаянному предприятию, в котором ему нетрудно было сложить свою буйную голову»³².

Нелегальная работа накладывала свой отпечаток на привычки и ментальность людей. Так, например, большевичка Е.Д.Стасова называла следующие необходимые, на ее взгляд, для находящегося на нелегальной партийной работе человека черты: точность, чтобы вовремя придти на встречу с товарищем или на явку; «наблюдательность, внимание к окружающему»; «умение владеть своим лицом», чтобы на допросе «ничем не выдать своих мыслей и чувств»; привычка «не спрашивать друг у друга о том, что тебя не касается»³³.

Тот факт, что складывание революционных партий и деятельность революционе-

³² Дейч Л.Г. За полвека. Т. 1. Ч. 2. М., 1923. С. 27–30.

³³ Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988. С. 56–57.

ров происходили в условиях нелегальности и необходимости жесткой конспирации, наложил весьма серьезный отпечаток не только на субкультуру российского революционера, но и на практику партийного строительства, которая в свою очередь оказывала влияние и на эволюцию субкультуры.

Ведь конспиративная жизнь диктовала и такие вещи, как привычка к расхождению между словами о внутрипартийной демократии и реальной практикой, где процветали кооптации, конспирирование друг от друга, и недемократичность партийных комитетов. Это являлось порождением противоречия между партийной формой формально демократичной и выстроенной по образцам европейских соц. партий (а именно по образцу СДПГ) и реальным обликом и ментальностью ее функционеров, действовавших вовсе не в европейских реалиях. Меншевик Б.И. Горев, вспоминая о 1896 г., констатировал: «Мы ведь не только мало развитых рабочих, но даже близких к нам интеллигентов-пропагандистов никогда не посвящали в важнейшие дела «центра», и это продолжалось еще год после моего ареста, когда **выборы на первый съезд партии** были произведены 3–4 лицами, ближайшими к С.И. Радченко, а вся «периферия» по «конспиративным» соображениям о съезде и не подозревала»³⁴.

Конспиративность и недемократичность партийных комитетов вообще стала притчей во языцех. Так, например, вспоминая о своей работе в Харьковской организации РСДРП в 1899–1900 гг., Бобровская писала: «Несмотря на подъем настроения среди рабочих, Харьковский комитет продолжал упорно конспирироваться. Даже нас, работников, выполнявших сложную работу, не подпускали к комитету, что называется, на расстояние пушечного выстрела. [...] Такая ультраконспиративная постановка дела рождала сильное недовольство. [...] точно регламентированных форм организации тогда еще не было не только в Харькове, но и по всей России. Комитеты на местах и выбирались и назначались из центра, пополнялись путем кооптации. Чаще всего наши комитеты строились так: очутившийся в каком-либо городе активный революционер связывался с рабочими и подбирал несколько человек для руководящей работы. Затем объявлялось о создании комитета»³⁵.

«Карьерный рост» революционеров также строился совершенно по другим принципам, чем в «нормальной» жизни. Так, Горев, вспоминая о работе в 1896 г., отмечал: «Вообще же обыкновенно после каждого «провала» члены организации, находившиеся на «периферии», автоматически приближались к «центру», т.е. занимали более ответственные посты и принимали на свой страх более важные решения»³⁶. Такая ротация отчасти формировала и то отношение, на основе которого родилось знаменитое сталинское — «незаменимых у нас нет», и отношение к людям как к винтикам.

Не было строго прописанных процедур и правил и у эсеров. В этом контексте примечателен ответ М.А. Натансона на вопрос ССК в 1910 г. о порядке приема в пар-

³⁴ Горев Б.И. Из партийного прошлого: Воспоминания. 1895–1905. Л., 1924. С. 35, 38.

³⁵ Бобровская (Зеликсон) Ц.С. Записки подпольщика. 1894–1917. М., 1957. С. 15.

³⁶ Горев Б.И. Указ. соч. С. 22.

тию в начальный период ее существования: «Как принимались члены? Кого считали хорошим человеком, того и принимали»³⁷. Говоря о предреволюционном периоде, И.А. Рубанович в 1910 г. вспоминал свои тогдашние вопросы: «Кто такой Центральный Комитет? Кто такие эти заправилы официальными органами? И почему они являются заправилы?»³⁸. Вспоминая I съезд партии, Рубанович восклицал: «...вот начинаются выборы в Центральный Комитет, по рукам циркулирует неизвестно кем составленный список кандидатов, и во время выборов все, как бараны, подают свои голоса за этих пять намеченных человек»³⁹.

Впрочем, было бы крайним упрощением пытаться свести всю сложность построения социалистической партии, которую хотели базировать на принципах федеративности и выборного начала в нелегальных условиях авторитарного общества, лишь к субъективному фактору. В той же эсеровской среде всегда были широко представлены стремления к созданию организаций на принципах демократии и федеративности. Они опирались на мирозерцание и идейные взгляды людей, смотревших на себя как на социалистов и демократов. Кроме того, они были укоренены в обычном праве конспиративно-элитарных кружков, члены которых, как правило, были связаны личными, а подчас и дружескими отношениями. Отношения между членами подобных кружков или организаций строились на основе личного статуса и авторитета того или иного его члена при минимальной формализации этих отношений. Даже при объединении в рамках единой партии эти кружки или организации оставались во многом самостоятельными, опираясь на нормы «революционного» обычного права, строя свои взаимоотношения с центром и другими организациями на федеративных началах. Организации даже низового уровня принимали свои собственные уставы, а в работе опирались, как правило, только на свои собственные силы. Связь и помощь со стороны центра партии носили нерегулярный и недостаточный характер. Несомненно, эсеровский центр пытался регламентировать партийную жизнь, стремился к созданию властной вертикали, к централизации партии. Но так же несомненно, что эти попытки очень серьезно сдерживались и неизжитым обычным правом, которое приходилось учитывать членам ЦК, и слабостью самого центра, и отсутствием необходимых возможностей, сил и средств для превращения малочисленных, почти автономных, глубоко законспирированных организаций в централизованную, дисциплинированную партию. Да и сама степень приверженности идеям централизации у эсеровского руководства была в целом неизмеримо слабее, чем, скажем, у большевиков и Ленина. В последнем большевики видели харизматического лидера и, по свидетельству Валентинова, даже такие «партийные генералы», как Богданов, первоначально не заступали ему дороги, заботясь об укреплении силы и мощи большевистских организаций⁴⁰. Позже Богданов выступал против того авторитарного стиля руководства и обще-

³⁷ ГАРФ. Ф. 1699 (Судебно-следственная комиссия по делу Азефа). Оп. 1. Д. 123. Л. 4.

³⁸ Там же. Д. 129. Л. 61.

³⁹ Там же. Л. 67-68.

⁴⁰ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 209.

ния, который насаждался в ленинской части большевиков. Сам он ратовал за истинно товарищеские отношения, которые были, с его точки зрения, теми зачатками новой культуры, которые социал-демократы могут и должны проводить в жизнь уже сейчас, не дожидаясь политических изменений общества⁴¹.

Идеал «ордена меченосцев» был чужд и эсерам, скорее ориентировавшимся на эталонную партию II Интернационала — СДПГ, — конечно, с учетом суровой российской специфики. Неслучайно, что у эсеров не было единого лидера-вождя харизматического типа, а существовала группа таких лидеров из 4-5 человек, которых можно обозначить как своеобразного «коллективного лидера». Применительно к отдельным членам эсеровского руководства мы, пожалуй, можем говорить о стремлении к централизации, строительству сверху и т.п. Но говорить об этом можно лишь с учетом, с одной стороны, природы и психологии любого руководящего центра, силою вещей стремящегося усилить свою власть и расширить свои полномочия; с другой стороны, с учетом нелегальных условий России, из которых вытекала невозможность существования открытой, с демократическими, гласными процедурами и системой взаимного контроля организации.

Для многих считалось аксиомой, что жестко централизованная и дисциплинированная организация обладает большей конспиративностью, лучшей «полицейской выживаемостью», имеет больше возможностей для обнаружения и локализации провокации. Кроме того, следует иметь в виду, что как бы ни был склонен к жестким авторитарным методам управления тот или иной эсеровский деятель, ему приходилось считаться с традициями и вольнолюбием эсеровской среды. В этой связи очень показателен пример Азефа, обладавшего крупным организаторским талантом и склонного к жестким, авторитарным методам работы. Но при всей своей властности Азеф не командовал членами БО, да и не мог бы этого сделать при всем своем желании. По авторитетному свидетельству Савинкова ССК по делу Азефа в 1910 г., Азеф напоминал капитана корабля, не выходявшего из своей каюты, общавшегося с командой через старшего офицера — Савинкова, — бывшего членом этой команды и связанного со многими из них дружбой. По словам Б.В.Савинкова, ни одно из важных, принципиальных решений не принималось, не будучи обсуждено всеми членами организации, рассматривавшими себя как членов своего рода «братства» и «семьи».

Но если это было применимо к такой организации, как БО, которая по своей дисциплинированности, несомненно, превосходила любую из партийных организаций, то еще более это было применимо к местным организациям, где любые авторитарные устремления любого руководителя встречались в штыки. Нужно всегда иметь в виду, что «партийное общественное мнение» очень бурно реагировало на какие-либо отклонения от соблюдения демократических норм и правил игры, заставляя всех руководителей опасаться отхода от них, чреватого скандалами и импульсивными обвинениями.

⁴¹ См.: Морозова А.Ю. А.А. Богданов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994.

Партийное и внепартийное следствие и суд, третейские разбирательства и суды чести как система правовых норм и механизмов, очерчивающих границы допустимого для революционера и восстанавливающие его и защищающие его достоинство

Одним из ключевых системообразующих элементов сложившейся субкультуры может считаться система поведенческих норм, регулируемых «общественным мнением» социума, намечающим границы допустимого и недопустимого (и контролирующим соблюдение этих норм). Потребность для российских революционеров в подобном была вопросом выживания социума, что привело к постепенному созданию своеобразного «партийного правосудия», которое вобрало в себя помимо правовых норм также конкретные механизмы и структуры следствия и суда. Кроме этого, важнейшей функцией партийного и внепартийного «товарищеского» следствия и суда являлись «восстановление чести» и защита достоинства революционера.

Нормы поведения революционера на следствии, в тюрьме, на суде (помогающие ему отличать допустимое в компромиссах для облегчения своей участи от предательства) и их мотивация, собственно говоря, и стали первым камнем в создании того, что можно назвать своеобразным революционным «партийным правом». Генезис и развитие революционного права отразили в себе общие тенденции и источники генезиса и развития субкультуры российского революционера в целом, причем огромную роль играли и социальные источники их формирования и общественно-политические условия.

Наиболее детально в субкультуре российского революционера и в партийном правосудии, по вполне понятным причинам были отрефлексированы и проработаны вопросы, связанные с предательством, хотя понимание того, что есть предательство и что в него включается, формировалось в революционной среде постепенно, болезненно и не без серьезных разногласий⁴².

Если говорить о конкретных механизмах «правосудия», использовавшихся революционерами, то помимо третейских судов, по мере надобности революционеры создавали всякого рода временные следственные и судебные комиссии, впрочем, после I российской революции 1905-1905 гг. в ПСР и в РСДРП создаются подобные структуры уже на постоянной основе.

Третейские разбирательства в отличие от партийных механизмов следствия и суда, не были придуманы собственно революционерами, а были заимствованы из арсенала российской интеллигенции, решавшей с помощью третейских судов конфликты в своей среде. Более того, третейский суд и суд чести революционер мог созывать, пока данное дело не задевало «партийных» интересов, после чего на него, как правило, распространялась «партийная» юрисдикция. Поводы, круг вопросов и даже формы третейских судов были различны, а вот его основная идея или его принцип оставался неизменным. Он был хорошо сформулирован видным эсером Рубановичем, который в 1904 г. для решения своего конфликта с Черновым и Азефом, собирался

⁴² Подробнее см.: Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства...

устроить «маленький третейский суд»: «вот приедет Чернов, приедет Азев, мы возьмем нейтрального уважаемого человека, изложим ему все это дело, и как он решит, так и поступим».

Самое главное, без чего третейский суд был бы немыслим, состояло в том, что стороны давали согласие подчиниться принятому решению. Причем, как правило, это согласие не давалось каким-либо письменным обязательством, а подразумевалось (иногда, правда, специально оговаривалось в протоколах суда при «конституировании»). Считалось, что любая из сторон, имеющая право отвода любого из судей на стадии конституирования суда, после признания судей и «суперарбитра» теряет моральное право на оспаривание любого решения суда. Третейский суд серьёзно отличался от партийных следственных комиссий и судебно-следственных комиссий, во-первых, тем, что участие в нём было делом добровольным, и любой из участников при желании вполне мог прервать его (если не боялся потерять лицо). Можно сказать, что участник третейского суда являлся одновременно и субъектом и объектом следственных и судебных действий, а во время работы партийной следственной или судебно-следственной комиссий фактически лишь объектом. Крайне важно и другое принципиальное отличие. Третейский суд для революционеров являлся, прежде всего, механизмом восстановления нарушенной чести, в то время как партийные следственные и судебные структуры прежде всего выполняли защитные функции (и как побочный результат могли восстанавливать нарушенную честь). Особо подчеркнем, что революционеры принципиально отказались от дуэли как универсального механизма защиты и восстановления чести и считали источником восстановления чести товарищеское общественное мнение, что недвусмысленно было зафиксировано, скажем, во время разбора «Дела Грозовского-Селитрянного» в 1892 г.: «Принимая, наконец, во внимание, что как средство удовлетворения г. Селитрянного была предложена дуэль, собрание осуждает это предложение, как социалистов отнюдь недостойное, и заявляет, что удовлетворение может быть дано только средой, к которой причисляют себя обе стороны»⁴³.

Постоянно-действующие следственные структуры возникают у ПСР в 1909 г., у РСДРП в 1911 г. До этого и в той и в другой партии, с момента их возникновения существовала практика создания следственной комиссии той или иной партийной структурой в России или в эмиграции (ЦК ПСР или ЦК РСДРП, ЗД ЦК ПСР, ОЗК эсеров или ЦБЗГ социал-демократов, эмигрантской группой или местным партийным комитетом или организацией любого уровня — от областной до самой мелкой) под данное конкретное дело. «Тематика» дел, рассматривавшихся различными партийными и межпартийными судебными и судебно-следственными структурами, а также третейскими судами, дает представление о том, что считалось допустимым с точки зрения моральных и этических норм революционной среды, а что было «из ряда вон выходящим», о бытовавших в этой среде понятиях «что такое хорошо и что такое плохо». Рассмотренные дела можно сгруппировать следующим образом: о провокации, «политической неблагонадежности» и «политической нечестности»; о «вступле-

⁴³ Hoover Institution Archives. B. Nicolaevsky collection. Box 173. Folder 12.

нии в сношения с охранкой в революционных целях»; о «недостойном поведении» на следствии, суде и в тюрьме; о присвоении партийного имущества и денег товарищей; о «нетоварищеском поведении», внутрисемейных и межличностных конфликтах.

Однако в ряде случаев социалисты-эмигранты считали себя вправе обратиться в правоохранительные органы той страны, где они в данный момент находились, с жалобой на своих товарищей по партии (или членов другой социалистической партии). Это было явлением исключительным и вызывало со стороны товарищей неоднозначную реакцию. Фактически каждый такой случай был сигналом того, что жалующийся в полицию не верит в эффективность механизмов и методов, практикующихся в революционной эмигрантской среде, для решения своей проблемы, а сам факт обращения в полицию вызывал бурю кривотолков, протестов и спекуляций, даже в случаях явной и неоспариваемой вины «преследуемого». Характерно, что одним из самых весомых аргументов сторонников допустимости в определенных случаях обращения в полицию буржуазного государства (разумеется, речь не шла о России) был тот, что, совершив определенные действия (например, крича в драке «Бей жидов!» или украв детей у отца), человек в глазах своих товарищей переставал считаться товарищем по партии или по социалистическому движению, а потому и в обращении в полицию для его поиска или наказания не было ничего предосудительного⁴⁴.

Исследование норм и практики «партийного правосудия» российских с.-р. и с.-д. позволяет говорить, с одной стороны, о том, что несмотря на все различия весь понятийный аппарат и механизмы отправления правосудия были общими; с другой стороны, что столь развитая система «социумного» правосудия является признаком развитой субкультуры (безусловно, далеко не все ее составные части были развиты столь серьезно, что и естественно).

Появление официального правосудия «социалистического» государства принесло и угрозу существования старому «партийному правосудию» и третейским разбирательствам. Впрочем, под удар попали, прежде всего, третейские суды и суды чести, их вытесняло государственное правосудие. А вот, что касается «партийного правосудия» в целом, тут можно говорить о трех направлениях в его эволюции. Часть социалистов, ушедших в оппозицию коммунистам, продолжала бороться с ними и жила по своему старому «революционному праву» (которое, впрочем, развивалось), считая новое государство и его право не менее враждебным по отношению к себе, чем старое. И потому и «партийное правосудие» в целом продолжало существовать без каких-либо серьезных качественных изменений для тех нескольких тысяч эсеров, меньшевиков и анархистов (в тюрьме и ссылке) на протяжении 1920-х — 1930-х гг., вплоть до их полного физического уничтожения к началу 1940-х гг.

А вот, что касается социалистов, отошедших от политической борьбы (но не вступивших в коммунистическую партию), превратившихся в обывателей, то они (кто в большей, а кто в меньшей степени) «переходят» на государственное правосудие, что, впрочем, было достаточно логично и закономерно. Но самые серьезные метаморфозы претерпели «революционное правосознание» и «революционное пра-

⁴⁴ Подробнее см.: Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Обращения социалистов-эмигрантов... (расшир. вариант статьи — <http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/partjust.htm>).

восудие» в правящей коммунистической партии. С одной стороны, возникла своеобразная двойственность, вытекавшая, впрочем, из самой роли компартии в государстве. До самого падения советского режима считалось, что коммунист прежде всего находится в партийной юрисдикции, и для того, чтобы привлечь его к уголовной ответственности (т.е. передать под государственную юрисдикцию), его сначала исключали из партии. С другой стороны, главенство принципа «политической целесообразности» и «эксперименты в области морали» (по меткому выражению эсерки Е.М. Ратнер) чудовищно трансформировали правосознание членов правящей партии. Со временем руководство партии и государства стало весьма виртуозно пользоваться и двуединой системой, и этим «изуродованным» правосознанием в своих интересах (особенно в 1930–1950-е гг. во время разного рода чисток, репрессий, кампаний и процессов).

Тюремное сопротивление и борьба за политрежим как борьба за личное достоинство и за «пространство свободы в несвободе»

Важным признаком развитой субкультуры являются и сильно развитые формы самоорганизации «тюремного коллектива» и организации тюремной повседневной жизни политзаключенных, тюремного сопротивления и борьбы за политрежим, которые были выработаны несколькими поколениями революционеров и к середине-концу 30-х годов (к моменту их уничтожения и гибели в СССР самих носителей субкультуры российского революционера) достигли очень высокой степени развитости и эффективности.

Политрежим всегда существовал негласно, существовал только «здесь и сейчас», будучи вынужденным компромиссом двух враждебных сил, сил, вынужденных тем не менее к компромиссу. Политрежим не был бюрократической нормой, инструкцией, и поэтому он везде был разным, и зависело это от разных обстоятельств, в том числе и от готовности данного коллектива социалистов к острым формам борьбы, вроде голодовок и обструкций, а также от соотношения противостоящих сил.

Борьба за политрежим была новым этапом борьбы, только в других условиях, в другом пространстве, другими методами, да еще в ситуации несвободы одних и все-таки других. Это единственное пространство, на котором политические противники режима, ставшие политзаключенными, могут сопротивляться. Они не могут пользоваться другими методами борьбы, но и режим не может их немедленно уничтожить, уничтожая их медленно, разрушая тюрьмой их здоровье, их психику, пытаясь сломить их стойкость и растоптать человеческое достоинство. Вот в противостоянии этому и коренилась двуединая природа борьбы за политрежим — с одной стороны отстаивание бытовых условий для сохранения своего здоровья, с другой стороны — защита своего достоинства, создание некоего пространства свободы в несвободных тюремных условиях. Те слова, которыми А.Измайлович характеризовала почти десятилетнюю полосу каторжной жизни после завинчивания каторги и перевоза из Акатуя в Мальцевскую каторжную тюрьму, вполне применимы для характеристики

того двойственного явления, что мы называем тюремным сопротивлением и борьбой за политрежим: «Ежедневная упорная борьба за тот минимум, который давал бы возможность перенести каторгу и выйти на волю работоспособным революционером, — за человеческое достоинство, за книги, за возможность заниматься хотя бы 2–3 часа в сутки»⁴⁵.

Конкретные требования политзаключенных (длительная прогулка, приличное питание, право пользования необходимыми книгами, журналами, газетами, право на свидания с родственниками и на получение от них передач, возможность общения друг с другом в пределах «социалистического коридора», возможность устройства всякого рода мастерских (как правило, столярных) и отчисление части выручки от продажи их изделий в пользу политзаключенных и т. д.), с одной стороны, призваны были сохранить физическое и душевное здоровье заключенного в тяжелых тюремных условиях. Более того, возможность чтения научных книг, проведения диспутов, устройство разного рода лекций и «университетов» позволяла многим политзаключенным овладевать иностранными языками, серьезно расширять свой кругозор и весьма успешно заниматься самообразованием. С другой стороны, конкретные завоевания «политрежима» позволяли политзаключенным чувствовать себя внутренне свободными людьми.

Вот это особенно важно подчеркнуть. Политзэку-поэту 1940-х гг. Олегу Бедареву принадлежит стихотворение, позже ставшее песней, в которой есть такие слова:

*Пусть ветер воеет глухо
В сырой осенней мгле,
Но кто свободен духом,
Свободен и в тюрьме*⁴⁶.

Можно сказать, что политрежим — это не что иное, как «пространство свободы в несвободе», созданное внутренне свободными людьми. Причем по некоторым параметрам свободы было больше, чем на воле. Конечно, это было очевиднее всего на примере, скажем, Савватьевского политскита на Соловках, где заключенные в рамках охраняемой территории были полностью предоставлены самим себе в самоорганизации своей внутренней жизни, но и в тюремных камерах политизоляторов Суздаля, Владимира, Верхне-Уральска, Тобольска в 1920–1930-х гг. читались такие лекции, велись такие дискуссии и диспуты, ставились такие самодеятельные спектакли, которых страна давно уже не слышала и не видела.

Как вспоминала с.-р. Е. Олицкая, даже в начале 1930-х гг. в тюремной Бутырской библиотеке политзаключенные пользовались книгами, которых уже давно не было в библиотеках на воле (правда, в библиотеке Бутырок не было общего каталога)⁴⁷.

⁴⁵ Измайлович А.А. Из прошлого // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 422.

⁴⁶ Сообщили Борис Беленкин и Леонид Седов.

⁴⁷ Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. II. С. 113.

И еще один важный вопрос. Именно на борьбе за сохранение своего личного достоинства и особого «политрежима» формировалась самоидентичность политзаключенного, выделявшегося из уголовной среды даже своим неписаным сводом тюремных поведенческих норм.

Вовсе неслучайно, что самые строгие и детализированные нормы в этике революционера касались как раз поведения на следствии, в тюрьме и на каторге. На той же царской каторге (а позже и в советской тюрьме) неписаными правилами революционерам категорически запрещалось разрешать начальству тыкать, запрещалось снимать шапку и вставать при появлении начальства, петь «Боже царя храни!», позволять бить себя или своих товарищей без сопротивления, играть в карты, воровать, распутничать, пьянствовать (был полный запрет на алкоголь), подавать прошение о помиловании и т.д., т.е. делать все то, что делали уголовники⁴⁸.

Обращает на себя внимание, что политкаторжане были вынуждены накладывать на себя куда более строгие ограничения, чем это допускалось на воле, скажем, в отношении алкоголя, где умеренное его употребление революционерами допускалось. Но только такими драконовскими способами в отношении самих же себя политкаторжане могли обезопаситься от саморазложения и растворения в мире уголовников. Еще один парадокс борьбы за политрежим, что для защиты своих прав и своего достоинства от посягательства властей каждый заключенный был вынужден серьезно ограничивать свои права, с одной стороны, следуя всякого рода запретам, регламентирующим его поведение в тюрьме, с другой делегируя часть своих прав политстаростам, в частности он не имел права, будучи в коллективе, вести какие-либо переговоры с начальством, а также объявлять голодовку.

Можно выделить следующие формы «тюремного сопротивления» и борьбы за политрежим:

— *апелляция к российскому и зарубежному общественному мнению, демократическим и социалистическим организациям Европы.*

В борьбе заключенных социалистов и анархистов с властью за свои права важнейшим постоянно действующим фактором стало общественное мнение социалистических и демократических кругов Европы. Не будь его, социалисты довольно быстро и почти неминуемо погибли бы от голодовок и самоубийств, бывших единственным действенным способом противостоять стремлению властей (в том числе мелких чекистских и тюремных начальников) сломить их волю. В условиях же, когда о голодовках и попытках самоубийства осужденных становилось известно всему миру, власти вынуждены были идти на смягчение жестких условий режима и удовлетворять требования голодающих. Чем плотнее опускался железный занавес в советское время, тем более развязанными становились у властей и чекистов руки.

— *протесты и заявления в различные инстанции о нарушении существующих законов и инструкций и об ущемлении прав политзаключенных.* При обращении к властям красной нитью всегда проходило требование, которое позже часто повторяли диссиденты-правозащитники, обращаясь к властям: «Соблюдайте собственные законы!»

⁴⁸ См.: Спиридонова М. Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. С. 430.

— *голодовка (как одиночная, так и групповая)* Следует учитывать обстоятельство, которое часто не замечают — а именно, что голодовка наносила людям, давно сидящим в тюрьмах и обладавшим ослабленным или изношенным организмом, очень серьезный урон, несопоставимый с реакцией на голодовку здорового человека, а восстановить пошатнувшееся здоровье в тюремных условиях было крайне сложно. Тюремный врач говорил Олицкой на 15 день голодовки, что каждый день голодовки отнимает у нее год жизни! Поэтому опытные сидельцы всерьез взвешивали все за и против, идя на голодовку (особенно на коллективную, успех которой был прямо пропорционален количеству в ней участвующих и степени их сплоченности).

— *обструкция*. Являлась способом коллективного протеста и выражалась в демонстративном громком пении, стуке в дверь, создании шума (от битья металлической посудой об решетки, стены, двери до громкого мычания по очереди (весной 1921 г. над Бутырской тюрьмой, когда к политическим присоединились и уголовные, и «мычало» несколько тысяч человек, стоял гул, слышимый за несколько кварталов и привлекавший внимание москвичей)).

— *самоубийство и самосожжение, как способ борьбы и способ сохранения чести революционера* (самоубийство в 1878 г. политзаключенного Боголюбова (А. Емельянова), выпоротого по приказу петербургского градоначальника Трепова, самоубийство Е.С. Созонова, самоубийство члена ЦК ПСР С.В. Морозова в 1923 г., попытка самоубийства Е.А. Ивановой-Ирановой в 1926 г. и др.)

— *«тюремный террор»* — покушения на наиболее одиозных тюремщиков разного ранга, который широко практиковался в нач. XX века — который сыграл очень серьезную роль в «развинчивании» тюрем и каторг в 1905–1906 гг.

— *вооруженное сопротивление политзаключенных*, как в Якутске в 1889 г. (Якутская трагедия) и Якутский протест 1904 г.

Выводы

Придя в ходе многолетних исследований истории и практики ПСР к выводу, что помимо привычного обращения к организационной составляющей партийной конструкции, необходимо исследовать психологию и взаимоотношения людей, морально-психологическое состояние исследуемого социума и все то, что детерминируется его субкультурой, и введя термин «субкультура российского революционера», в данной статье автор предпринял попытку очертить границы и осветить отдельные существенные характеристики этого явления, в том числе ряд сюжетов и контекстов, в которые они погружены.

Хронологические рамки существования субкультуры российского революционера определяются моментом ее формирования на рубеже 50-х и 60-х гг. XIX в. и насильственным ее уничтожением вместе с ее носителями к концу 30-х гг. XX в. (последние ее очаги погасли в эмиграции). Она была не общей и единой для всех и вся, а может быть признана нами как «рамочная», как некая абстракция, как термин. Внутри этой субкультуры имелись серьезнейшие отличия не только «поколенческие», но даже и в рамках одного поколения — на уровне партийно-группового позиционирования. Кро-

ме того, через всю историю революционного движения красной нитью прошло противостояние двух взаимоисключающих принципов, оказывавших противоречивое воздействие на нормы субкультуры революционера. С одной стороны, в революционном движении всегда были те, кто пытались претворить в нормах своей субкультуры свои идеалы свободы, равенства и братства. С другой, были и те, кто, подобно С.Г. Нечаеву и В.И. Ленину, декларируя «Цель оправдывает средства», во главу угла ставили интересы «революционного дела» и «политической целесообразности», относясь к своим товарищам чисто инструментально и оставляя за собой право жертвовать ими (и народом) по своему разумению во «имя революции». Одним из главных парадоксов субкультуры российского революционера и является это сосуществование и непрекращающаяся борьба и этих двух взаимоисключающих принципов и их живых носителей, неизбежно порождавших многочисленные противоречия и парадоксы многих норм и практик субкультуры российского революционера, позволявшие существовать в одном пространстве личностям, имевшим куда меньше общих черт, чем различных (сравним, например, И.П. Каляева и И.В. Сталина).

Субкультура революционера родилась как «молодежная контркультура», и в ядре своем таковой и оставалась. Сломать механизм прихода молодежи в революционную среду удалось только в 1930–1940-е гг., с одной стороны, физическим уничтожением этой самой революционной среды, с другой — вбиванием в голову недопустимости наличия у советской молодежи какой-либо «контркультуры». Естественно, говоря о молодежной культуре, мы имеем в виду не крестьянскую или рабочую молодежь и их культуру. Субкультуру российского революционера формировала интеллигентская молодежь, которая, правда, и сама была весьма пестрой по социальному происхождению и по той культуре, которую ее выходцы приносили с собой из своих социальных страт. Представляется, что субкультура российского революционера есть точка пересечения влияния различных субкультур, своего рода их симбиоз.

Весьма серьезный отпечаток не только на субкультуру российского революционера, но и на практику партийного строительства, которая в свою очередь оказывала влияние и на эволюцию субкультуры, наложил тот факт, что складывание революционных партий и деятельность революционеров происходили в условиях нелегальности и необходимости жесткой конспирации.

Субкультура российского революционера включала в себя один из ключевых системообразующих элементов сложившейся субкультуры — систему поведенческих норм, регулируемых «общественным мнением» социума, намечающим границы допустимого и недопустимого (и контролирующим соблюдение этих норм), а также «партийное правосудие», которое вобрало в себя помимо правовых норм также конкретные механизмы и структуры следствия и суда. Важнейшей функцией партийного и внепартийного «товарищеского» следствия и суда являлись также «восстановление чести» и защита достоинства революционера.

Одним из важнейших и наиболее развитых элементов субкультуры российского революционера являлись сильно развитые формы самоорганизации «тюремного коллектива» и организации тюремной повседневной жизни политзаключенных, тюремного сопротивления и борьбы за политрежим, которые были выработаны несколько-

ми поколения революционеров. Борьба за политрежим была новым этапом борьбы, только в других условиях, в другом пространстве, другими методами; двуединая природа этой борьбы коренилась в противостоянии всесилию тюремщиков — с одной стороны отстаивание бытовых условий для сохранения своего здоровья, с другой стороны — защита своего достоинства, создание некоего пространства свободы в несвободных тюремных условиях.

После 1917 г. возникает новая властная субкультура большевиков (и части примкнувших к ним социалистов) формировалась с максимальным подчинением личности революционера «интересам революции» и культивированием принципа верховенства «политической целесообразности» над моралью (продолжая традицию С. Нечаева и ему подобных) и очищалась от «интеллигентской мягкотелости» многих норм и подходов традиционной субкультуры российского революционера. Кроме того, произошел своеобразный «дренаж» самой революционной среды, как за счет самих большевиков, так и за счет немалого числа меньшевиков, левых эсеров, эсеров-максималистов, эсеров «меньшинства», эсеров и анархистов, уходивших уже не только из своих партий, но и из старой субкультуры в пространство новой «властной» субкультуры, стремительно менявшей краеугольные камни и принципы своего существования, и чем дальше, тем все менее похожей на старую, традиционную субкультуру российского революционера.

А с другой стороны, оппозиционные социалисты и анархисты были фактически обречены на развитие противоположных принципов и подходов, также щедро имевшихся в традиционной субкультуре российского революционера. Во-первых, сама логика противостояния толкала социалистов, оппозиционных большевистской авторитарной власти, на усиление самоидентификации за счет усиления политических свобод личности и демократии не только в «большой политике», но и в собственной субкультуре. Во-вторых, для оппозиционных социалистов и анархистов, отправленных новой властью в политизоляторы и ссылки, вопросом выживания являлось дальнейшее развитие как принципов солидарности и коллективизма, так и защиты личности и чести революционера, заложенных в субкультуре революционера. Особенно в той ее части, которую условно можно назвать тюремной субкультурой политзаключенного и борьбой за политрежим, которые стали весьма востребованы и актуальны для оппозиционных «революционной власти» революционеров.

В последующие годы физическое уничтожение социалистов привело к исчезновению в СССР субкультуры российского революционера; результатом же «морального экспериментаторства» коммунистов стала стремительная мутация традиционных норм субкультуры российского революционера и выработка ими собственной, но уже «властной» субкультуры, где от старой, традиционной субкультуры российского революционера оставались словесная риторика, да отдельные положения, далеко разошедшиеся с реальной практикой.